

УДК 930

**«...ПОКА ЕЩЕ ЕСТЬ ПАМЯТЬ, НАЧНУ С БЛИЖАЙШЕГО
ВРЕМЕНИ – СО ВРЕМЕНИ ИЗБРАНИЯ МЕНЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ НАШЕЙ
НИЖЕГОРОДСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ»:
ИЗ ДНЕВНИКА А.Я. САДОВСКОГО**

© 2014 г.

В.В. Митрофанов

Нижевартовский филиал Южно-Уральского государственного университета

viktor-n1962@mail.ru

Поступила в редакцию 03.06.2014

На основе анализа исследований нижегородских авторов делается вывод об их важном вкладе в историографию Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, о создании исторических портретов крупных краеведов конца XIX – первой трети XX века. Вводится в научный оборот дневник А.Я. Садовского, публикуются из него отрывки, раскрывающие его деятельность в первые месяцы председательства в комиссии.

Ключевые слова: историография, А.Я. Садовский, дневник, воспоминания, НГУАК, краеведы, историки.

Важным достижением современной нижегородской историографии являются исследования по истории научно-исторических обществ, прежде всего Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, создание портретной галереи ее представителей, которых справедливо назвали «блестящей плеядой деятелей нижегородского краеведения» [1]. Можно говорить о сформировавшемся научном направлении в историографии региона, основу которого заложили известные историки, основоположники исторической науки в Нижнем Новгороде (Горьком) В.Т. Илларионов [2, с. 282] и С.И. Архангельский [3–4], эта традиция была подхвачена В.П. Макарихиным, Ю.Г. Галаем, продолжается Ф.А. Селезевым, А.А. Кузнецовым и другими исследователями, учениками и последователями первых, уже ушедших из жизни.

При этом отметим, что многие исследования о краеведах приурочены к юбилейным событиям, например, 100- и 120-летию архивной комиссии [5–7]; 165-летию А.С. Гациского, которого по праву называют «летописцем Нижегородского Поволжья» [8]; 155-летию А.А. Савельева, в оценке Ф.А. Селезнева «профессионально организовавшего» работу архивной комиссии, имеющей «немалые заслуги перед нижегородским краеведением» [9, с. 173]; 140-летию А.И. Звездина (правитель дел комиссии в 1895–1903 гг.), краеведа, «заложившего основу дальнейшего изучения нижегородской пушкинианы» [10, с. 194]; 100-летию со дня кончины В.И. Снежневского (правитель дел комиссии в 1888–1895 гг.), которого Ю.Г. Галай отнес к людям, «изумительным своим подвижничест-

вом и любовью к архивному делу» [11, с. 229]. Еще об одном, по сути, последнем многолетнем правителе дел комиссии в 1911–1917 гг., С.М. Парийском, напишет И.В. Берельковский и назовет его «истинным патриотом края» [12, с. 199]. Эта характеристика перекликается с данной С.М. Парийскому еще В.Т. Илларионовым, когда он начинал путь в большую науку, писавшим о первом как «истом нижегородце», чье имя с полным правом должно быть отнесено к «людям Нижегородского Поволжья» [13].

Недавно опубликована статья, рассказывающая о профессиональной деятельности А.М. Меморского [14], где представлен портрет «успешного нижегородского адвоката и общественного деятеля». К сожалению, нет подобной работы о А.М. Меморском как активном краеведе, которому А.А. Савельев 22 октября 1907 г. передал председательские функции, поскольку рассматривал его как главного преемника [15, с. 29].

Появились статьи об активных членах НГУАК А.К. Кабанове [16] – самобытном исследователе местной истории, Н.И. Драницине [17] – организаторе библиотечного дела в Нижнем Новгороде, Н.Н. Иорданском [18] – деятеле просвещения.

Следовательно, приведенный перечень работ, кстати, не исчерпывающий всех публикаций, свидетельствует об огромном научном интересе к опыту вековой давности в организации краеведения, архивного, библиотечного дела, археологии, пропаганде любви к родному краю через просветительскую деятельность, археологические раскопки, бескорыстное служение малой Родине. «Сознательная работа на будущее –

вот что отличает провинциальных интеллигентов того времени» [5, с. 4–5], – писал В.П. Макарихин. И как современно звучит эта замечательная мысль!

Значительное количество публикаций посвящено нижегородскому краеведу А.Я. Садовскому, в оценке С.Ф. Платонова – одному «из самых серьезных, почтенных и симпатичных работников Поволжья» [19, с. 140]. Первые работы о нем стали появляться сразу же после его кончины¹ [20–21], затем опубликованы газетные статьи [22–23], потом несколько небольших информационного характера работ [24–26], при этом заметим, что имя А.Я. Садовского, как бы между прочим, упоминается в работах, посвященных другим членам НГУАК, а оценки даются самые скромные. Например, И.В. Берельковский называет Н.Н. Иорданского «известным деятелем НГУАК», С.М. Парийского – «талантливым историком», а А.Я. Садовского – просто «историком-краеведом» [1, с. 194, 195, 199], хотя это звание также почетно. В известной монографии В.П. Макарихина о третьем председателе НГУАК упомянуто лишь дважды и то лишь в перечне имен публикаторов [27, с. 87]. И в другой работе признанного знатока истории НГУАК о председательстве А.Я. Садовского читаем: «в бытность председателем комиссии А.Я. Садовского, извещение об избрании почетным членом было направлено в Баден-Баден известному писателю П.Д. Боборкину» [6, с. 169]. При этом следует согласиться с выводом В.П. Макарихина, что «деятельность многих сотрудников ГУАК требует специального исследования. Это перспективное направление работы для новых поколений краеведов» [5, с. 4]. Во многом этот завет воплощается в жизнь, о чем свидетельствуют вышеупомянутые работы, и в полной мере относится к А.Я. Садовскому.

На сегодняшний день из современных исследователей, кто глубоко, профессионально, критически, доказательно, без оглядки на устоявшиеся точки зрения переосмысливает историю НГУАК и деятельность ее сотрудников-активистов, являются Б.М. Пудалов и А.А. Кузнецов.

Недавно было отмечено, что «большое значение для характеристики комиссий вообще имеет многоплановое исследование Б.М. Пудалова [7], хотя и небольшого объема» [28, с. 281]. Касаясь монографии Ю.В. Филатовой [29], Б.М. Пудалов справедливо отмечает, что исследовательница «развивает взгляды В.П. Макарихина», она «добросовестно проследила развитие взаимоотношений Нижегородской ГУАК и исторической науки», но «вывод о качественных изменениях так и не сделала», остались незамеченными «принципиальные различия во

взаимоотношениях НГУАК со столичными историками» в бытность руководителями комиссии А.С. Гациского и А.Я. Садовского. Если первые два председателя комиссии А.С. Гациский и А.А. Савельев «основной упор делали на *собираение* исторического наследия, то А.Я. Садовский... настаивал на всестороннем *изучении* собранного предшественниками». Исходя из этого, Б.М. Пудалов называет «особенности сотрудничества со столичными учеными в последний период деятельности комиссии: успешная реализация серьезных исследовательских проектов, издание документальных источников на высоком археографическом уровне, начало профессиональной подготовки историков-архивистов». Следует поддержать аргументированный вывод исследователя о так называемых двух периодах в истории комиссии: «1) 1887 – нач. 1900-х гг. – «эпоха А.С. Гациского», период собирания и научно-популярной беллетристики; 2) нач. 1900-х – 1918 гг. – «эпоха А.Я. Садовского», период изучения и научных публикаций». К заслугам А.Я. Садовского Б.М. Пудалов относит и молчаливый отказ от «бездумного следования» принципу хранения документов, согласно которому «оставляли на хранение порядка 5–10%» [7, с. 333, 335].

По всей видимости, настало время пересмотреть с использованием новых архивных материалов, в том числе и эпистолярного наследия ее деятелей, кстати, активно вовлекающегося в научный оборот, и историю самой НГУАК, одной из самых авторитетных и плодотворных комиссий России.

Важное значение для характеристики самого А.Я. Садовского и его деятельности имеют материалы недавно проведенной II Нижегородской архивоведческой конференции [30]. Примечательно, что в аннотации к сборнику он величается «выдающимся историком-краеведом» и это, на наш взгляд, справедливо. Среди большого числа докладов прямое отношение к А.Я. Садовскому имеют выступления Е.А. Логачевой, где автор подчеркивает его «выдающуюся роль» «в издательской деятельности, побуждает нас к исследованию его публикаций, хранящихся в Центральном архиве Нижегородской области» [31, с. 97, 99]. Б.М. Пудалов дает характеристику «отцу-основателю» государственной архивной службы края, повторяет свою мысль, что после того, как А.Я. Садовский возглавил архивную комиссию, ее деятельность «заметно активизировалась и вступила в новую стадию: от собирания источников и беллетристических очерков эпохи А.С. Гациского комиссия перешла к планомерному изучению и публикации исторического наследия Нижегородского края» [30, с. 4]. В примечаниях автор поместил подробную опись архивных материалов А.Я. Садовского, хранящихся в архивах

Нижегородского. Перекликается с упомянутыми примечаниями доклад В.Н. Плотникова, подчеркнувшего, что «несмотря на неполноту документального состава личного фонда Садовского, многие дела представляют интерес для ученых, историков и биографов». При этом констатируется, что «значительная часть документов никогда ранее не выдавалась ни сотрудникам архива, ни исследователям в читальный зал и тем более не публиковалась» [32, с. 99–100].

Следовательно, упомянутые выше публикации, касающиеся личности и деятельности А.Я. Садовского, без привлечения архивных материалов не позволяют оценить в полной мере масштабы его деятельности, прежде всего на посту председателя архивной комиссии. А.А. Кузнецов в примечаниях к своему интересному сообщению перечислил основные свершения НГУАК под его руководством, в частности: «проведена работа по празднованию 300-летия Нижегородского ополчения и дома Романовых, а также 100-летия Отечественной войны 1812 г. При участии А.Я. Садовского в 1911 г. в Нижнем Новгороде было организовано отделение Московского археологического института» [33, с. 120–121].

Ю.Г. Галай подчеркивал, что «при обязательном участии председателя НГУАК А.Я. Садовского» работал Выставочный комитет по организации исторической выставки «Нижегородская старина», с отделом, посвященным царствующему Дому Романовых. Он же был ответственным за организацию археологического отдела, и посетители, «которые несколько знакомы с археологией, прямо приходили в восторг от прекрасно подобранного материала...», сам проводил экскурсии. К сожалению, это «одно из многогранных и перспективных направлений в деятельности архивной комиссии» [34, с. 30–34] оказалось единственным.

По всей видимости, нижегородским исследователям не известны и материалы, фрагмент которых предлагается к публикации. Это часть дневника А.Я. Садовского, точнее, записи, довольно обширные за 25, 26, 27, 28 января 1910 г., касающиеся положения дел НГУАК в первые месяцы его председательства.

Как свидетельствует А.Я. Садовский, писать дневник он начал «около двадцати лет назад», т.е. в 1891 г., рукопись «провалялась» много лет. При этом замечает, что «память, конечно, еще слабее и возможно, что-нибудь я перепутаю» [35, л. 32 об]. Регулярные записи начинаются 5 февраля² 1910 г., они логически продолжают найденные им некоторые старые материалы. Интересно, что следующая запись датируется 25 января и здесь автор вновь повторяет мысль о своем желании написать дневник. В тексте читаем: «25 января 1910 года. Давно я собирался писать, сперва дневник, а потом воспоминания, да так и не собрался, впрочем, много лет

назад, что-то начал, где теперь это начало, не знаю, вероятно, где-нибудь в бумагах» [35, л. 43].

Жанр рукописи близок к дневниковым записям, на что указывают конкретные даты, при этом тексты в одних случаях довольно обширные и занимают до 10 страниц, в других – краткие и уместаются на одной-двух.

Первая запись содержит интересные сведения биографического и семейного характера, но большая часть посвящена учебе автора в гимназии. Достаточно места отведено характеристике преподавателей, описанию помещения гимназии, одежде гимназистов, их взаимоотношениям и другим малоизвестным фактам жизни Нижегородского Новгорода. Особенно ценным является материал о жизни НГУАК с 1909 г., о политической жизни Нижегородской губернии, даны яркие характеристики губернаторам, чиновникам его администрации. Много пишет автор о семейных проблемах, трудностях в жизни своих детей.

Содержащиеся в них сведения, конечно с элементом субъективизма, помогут по-новому взглянуть на деятельность самой комиссии, по образному выражению А.А. Кузнецова – «с другой, непарадной, стороны», на состояние документооборота при А.А. Савельеве, увидеть первоочередные дела ее нового председателя. Большую ценность представляют характеристики отдельных ее деятелей, упомянутых выше, представленные факты взаимодействия нового председателя с губернатором – непременным попечителем комиссии. Очень, кстати, интересная тема, кроме официальной части, неизвестная.

Примечателен факт, что отдельные характеристики членов комиссии, данные А.Я. Садовским в дневнике, в некоторой степени перекликаются с сатирическими строчками «Памфлета», недавно опубликованного. Хотя А.А. Кузнецов заметил, что оценка деятелей НГУАК в «Памфлете» «является субъективной и не подтверждается результатами современных исследований», но введение в научный оборот еще одного источника личного происхождения, возможно, позволит пересмотреть эту точку зрения.

Обнаруженный архивный документ без преувеличения является ценнейшим приобретением. Предполагается публикация всей рукописи: дневника и воспоминаний, о которых писал А.Я. Садовский, в полном объеме.

Сокращения раскрыты в квадратных скобках, зачеркнутые А.Я. Садовским слова выделены в круглых скобках и отмечены звездочкой. Текст публикуется по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей источника.

Выражаю сердечную благодарность сотруднику Нижегородской городской библиотеки А.А. Медведевой за помощь в предоставлении справочной информации для некоторых примечаний приложения.

Примечания

1. В последнем помещены доклады: С.М. Парийского «А.Я. Садовский» (биографический обзор); С.И. Архангельского «А.Я. Садовский как историк Нижегородского края»; В.Т. Илларионова «А.Я. Садовский как работник областной науки»; С.С. Станкова «А.Я. Садовский и изучение производительных сил»; И.А. Милотворского «Личные воспоминания об А.Я. Садовском».

2. Месяц здесь указан неверно, нужно – января, так как последующая запись датируется 25 января, тем более что эта запись находится на одном листе с предыдущей записью, к тому же на Л. 55 дневника есть дата 5 февраля, она следует за текстом от 4 февраля.

Список литературы

1. Берельковский И.В. С.М. Парийский и советское краеведение // Записки краеведов / сост. Л.И. Шиян, О.А. Рябов. Н. Новгород, 2004. С. 194–202.
2. Илларионов В. Памяти А.Я. Садовского // Нижегородская Коммуна. 1926. № 282.
3. Архангельский С.И. А.С. Гациский // Школа и жизнь. 1928. № 10. С. 40–42.
4. Архангельский С.И. А.Я. Садовский как историк Нижегородского края 1850–1926 // Памяти А.Я. Садовского. Нижний Новгород. 1928. С. 20–30.
5. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии и развитие исторической мысли Российской провинции на рубеже XIX–XX веков // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1991. С. 3–7.
6. Макарихин В.П. Нижегородская губернская ученая архивная комиссия (к 100-летию создания) // Записки краеведов. Горький, 1988. С. 161–170.
7. Пудалов Б.М. К 120-летию губернских ученых архивных комиссий // Мининские чтения: Мат-лы науч. конф. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (29–30 октября 2004 г.). Нижний Новгород, 2005. С. 331–340.
8. «Летописец Нижегородского Поволжья»: К 165-летию А.С. Гациского: Краеведческое библиографическое пособие / сост. Т.В. Кучерова, О.В. Григорьева. Н. Новгород: ЦГБ, 2003. 16 с.
9. Селезнев Ф.А. Председатель НГУАК А.А. Савельев // Записки краеведов / сост. Л.И. Шиян, О.А. Рябов. Н. Новгород, 2004. С. 173–184.
10. Галай Ю.Г. Краеведческая и просветительская деятельность А.И. Звездина // Записки краеведов / сост. Л.И. Шиян, О.А. Рябов. Н. Новгород, 2004. С. 185–194.
11. Галай Ю.Г. Архивист по призванию. В.И. Снежневский // Записки краеведов / сост. Л.И. Шиян, О.А. Рябов. Н. Новгород, 2008. С. 229–238.
12. Берельковский И.В. Исследователь памятников нижегородских древностей С.М. Парийский // Общее и особенное в региональной культуре Нижегородского края. Нижний Новгород, 1997. С. 133–135.
13. Илларионов В.Т. С.М. Парийский // Нижегородское краеведение. Н. Новгород, 1931. № 1–2. С. 45–46.
14. Гостева Т.Н. Присяжный поверенный Александр Михайлович Меморский // Записки краеведов / сост. Л.И. Шиян, О.А. Рябов. Н. Новгород, 2010. С. 256–266.
15. Журнал LXXV заседания НГУАК 22 октября 1908 года // Журналы и доклады заседаний LXXX–LСIII с 1 октября 1906 по 22 октября 1908 г. Отчеты за 1905–1908 гг. Н. Новгород, 1909 г. С. 29.
16. Кузнецов А.А. Новые данные о судьбе нижегородского историка А.К. Кабанова / А.А. Кузнецов, А.В. Мельников // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. Н. Новгород, 2006. С. 160–164.
17. Митрофанов В.В. Библиотеку, которую «и организовал и создал»: дело всей жизни Н.И. Драницына // Библиотековедение. 2013. № 2. С. 71–78.
18. Митрофанов В.В. «Глубокое Вам спасибо...»: некоторые факты просветительской и организаторской деятельности С.Ф. Платонова в Нижнем Новгороде в начале XX века // Клио. 2012. № 6 (66). С. 21–25.
19. «О Нижнем храню самые теплые воспоминания: Письма академика С.Ф. Платонова В.Т. Илларионову/Публ. подг. А.А. Кулаков/Исторический архив. 1999. № 6. С. 138–144.
20. А.Я. Садовский (Некролог) // Производительные силы Нижегородской губернии. Вып. 4. Н. Новгород, 1927. С. 7–8.
21. Памяти А.Я. Садовского: Сборник. Н. Новгород, 1928.
22. Илларионов В. «Старейшина нижегородских краеведов» // Горьковская правда. 1971. 4 авг.
23. Зеленцов В. Знаток родного края // Горьковская правда, 1975, 25 окт.
24. Бабкина О.А. А.Я. Садовский (К 140-летию со дня рождения) // В помощь работе библиотек с литературой о родном крае в 1990 г. Горький. 1989. С. 49–51.
25. Куприянова Н.И. А.Я. Садовский // Нижегородский край: факты, события, люди. Н. Новгород, 1997. С. 313.
26. Гусев М.Ю. Нижегородский краевед и общественный деятель А.Я. Садовский // Информационный бюллетень комитета по делам архивов Администрации Нижегородской области. Н. Новгород, 2001. № 3. С. 28–29.
27. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Н. Новгород, 1991. С. 87.
28. Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX–первой трети XX в. Челябинск, 2011. С. 281.
29. Филатова Ю.В. Нижегородская губернская ученая архивная комиссия и историческая наука. Н. Новгород, 2000.
30. Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. Нижний Новгород, 2006. 216 с.
31. Логачева Е.А. Публикации А.Я. Садовского и подготовительные материалы к ним в Центральном архиве Нижегородской области: проблемы поиска // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции... С. 97–99.
32. Плотников В.Н. Обзор документов личного фонда А.Я. Садовского // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции... С. 99–100.
33. Кузнецов А.А. «Памфлет»: история текста из фонда Н.И. Приваловой // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции... С. 120–121.
34. Выставка НГУАК «Из родной старины» // Нижегородская старина. 2004. № 8. С. 30–34.
35. РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 4. Д. 31.

Приложение

Из дневника А.Я. Садовского

25 января 1910 года.

Давно я собирался писать, сперва дневник, а потом воспоминания, да так и не собрался, впрочем, много лет назад что-то начал, где теперь это начало, не знаю, вероятно, где-нибудь в бумагах¹. Если найду, может быть продолжу, пока же, пока еще есть память, начну с ближайшего времени – со времени избрания меня Председателем² нашей Нижегородской Ученой Архивной Комиссии³.

Случилось это 12 апреля 1909 года. Многие члены Комиссии и бывший ее Председатель А.А. Савельев⁴, отказавшийся от председательствования вследствие выбора в члены Государственной Думы, давно уговаривали меня баллотироваться на эту должность, но я всегда и вполне искренно отказывался от этой чести, так как, во-первых, не считал себя достойным занять эту должность, а во-вторых, из-за своего стеснительного и застенчивого характера, боясь, что я не справлюсь с председательством. Здесь надо говорить речи, особенно на предстоящих в 1911 году юбилейных празднествах⁵, встречать высоких гостей, а я во всем этом совершенный профан и всегда конфужусь на мало-мальски больших собраниях. Утвердившись в этой мысли, я на все предложения отвечал отказом. Претендентом на должность был товарищ председателя А.М. Меморский⁶, бывший городской голова, которому очень хотелось занять это место и которому я тоже категорически повторил свой отказ. Большинству, видимо, не хотелось избирать Меморского, человека двуличного, хитрого и добивавшегося должности из-за возможности получить что-либо и порисоваться в юбилейные торжества. С этой твердой мыслью я пришел на собрание, довольно многолюдное, под председательством почетного попечителя комиссии, Нижегородского губернатора М.Н. Шрамченко⁷. Когда дело дошло до выборов, то все члены, кроме нескольких, стали упрашивать меня принять должность. Много раз я отказывался, пробовал даже уходить, но просьбы были так настойчивы, да и должность для меня была все-таки очень привлекательна, что, в конце концов, я согласился и был избран весьма значительным числом голосов, каким, теперь уже не помню. Хотелось мне на должность товарища председателя нашего члена, много лет находившегося в комиссии, Андрея Ивановича Звездина⁸, который и получил большинство записок, но менее половины всех записок, следующим за ним шел Меморский. Когда хотели Звездина признать товарищем, члены Чешихин и другие, из более левых по политическим убеждениям, предложили баллотировку шарами или новую – записками. К сожалению, А[ндрей] И[ванович] отказался и выбаллотировали Меморского, правда очень плохо. Но все-таки выбрали, зачем только не понимаю: Меморский после избрания тотчас же уехал в Петербург, а потом и вовсе переселился туда, вот уже скоро год, и он был только раз на заседаниях комиссии. Правителем дел был избран Н.Н. Иорданский⁹, инспектор народного училища Нижегородского уезда, временно исполнявший должность правителя в, так сказать, междуцар-

ствие – после ухода Савельева и до выбора меня, при исправлении должности председателя Меморским.

Принятие должности ограничилось принятием денежной книги и денег от Н.Н. Иорданского, с Меморским мы только обменялись визитами, не заставши друг друга, и он скоро уехал в Петербург.

Признаться сказать, я думал, что все найду в комиссии в образцовом порядке. У нас председатели были, что называется, светила, да и правители тоже. Умерший Снежневский¹⁰ считался необыкновенным человеком, выдающимся по своим способностям, которого настолько ценили, что в память его издали особый сборник¹¹. Н.Н. Иорданский тоже считался очень дельным, передовым человеком, без которого не обходится ни одно Нижегородское просветительское общество. Все они по своим убеждениям были кадеты, Иорданский даже немного пострадал, его из инспекторов над школами в Нижнем перевели на должность инспектора в уезд¹².

Итак, считаясь с вполне установившимися репутациями чрезвычайно способных, чрезвычайно деловых, образованных, передовых людей, я рассчитывал найти в нашей архивной комиссии образцовый порядок и полную исправность. Но что я нашел, расскажу в следующий раз.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 464. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 43–44.

26 января 1910.

Кроме того, в архивной комиссии занимался письмоводством некто П.Ф. Летицкий¹³. Летицкий служил в Крестьянском банке, занимая там довольно порядочную должность, в архивной же комиссии он должен быть два раза в неделю, в воскресенье от 12 часов до 3–4-х и в среду от 7 часов вечера до 10, иногда 11, а также на заседаниях общего собрания членов, заседания эти бывали вечером довольно редко, иногда 4 раза, иногда 5 раз в год, впрочем, в последние годы бывали и почаще. Обязательства Летицкого заключались в переписке журналов общих заседаний, записи поступающих книг в каталоги, писаний благодарностей высланным книги и т. п. Получал он за это 10 руб. в месяц, а правитель дел 24 руб. А прежде все 34 рубля получал правитель, который и должен был вести всю переписку, но так как правители Снежневский и потом Иорданский были люди занятые своими должностями, за которые получали главное жалованье, то они предпочли получать вместо 34 руб. в месяц 24 руб., и 10 рублей отдавать Летицкому. Каков был Летицкий прежде, не знаю, но я застал его занимающим, кроме банковской должности, еще должность регента в каком-то хоре, поэтому при заседаниях вечерних под праздники он вместо арх[ивной] ком[иссии] отправлялся куда-нибудь петь, в воскресенье тоже приходил поздно. Дело, конечно, страдало.

Познакомившись с библиотекою, увидел, что масса книг не записаны в хронологический каталог, по большинству книг не отослали уведомлений о получении, благодарности, даже уведомления об избрании в члены задерживались на несколько месяцев, а проверить кому что отослано, не было возможности, так как исходящей книги не было заведено, была только разносная, в которой выставлялись №№ летучки как придется. Изданиями архивной комиссии – сборником довольно ценным, по 2 и по

3 руб. книга, а также и брошюрам никакого учета не велось. Все это кое-как, с грехом пополам, где по памяти, где по разносной, пришлось устанавливать, завели особые для этого книги. Надо еще прибавить, что, кроме шкафов, у которых большинство замков были испорчены, а ключи от всех клались в незапертый стол, книги валялись везде: и на окнах, и в углах, и на выступах шкафов, во всех трех комнатах, отведенных Городскою Думою в доме Думы, но главным образом библиотека помещалась в третьей маленькой комнатке, где стоял стол Летицкого и где занимались и Летицкий, и Иорданский, а две большие светлые комнаты оставались пустыми, лишь в одной собиралась комиссия и стоял стол. Все помещения запирались обыкновенным дверным внутренним замком, ключ от которого находился у сторожа Городской Думы, в ведении которого состояли три наши комнаты, обыкновенно он вешался около водопроводного крана и, кто знал, мог его всегда взять и войти в помещение, а там, конечно, мог делать, что хочет, ибо и ключи от шкафов, как я выше заметил, были к услугам каждого. Поэтому, прежде всего, я распорядился перенести все книги в 3-ю маленькую комнату и приделал к ней американский замок, от которого ключи находились у меня, у Иорданского и у Летицкого, но у Летицкого ключ потом был отобран и остались только у меня и Иорданского, в большой комнате остались два запертых больших шкафа и на полу кипа газет за прежние годы в бумажных обложках, а в другой большой комнате только развешанные по стенам и сложенные на окнах портьеры и переместившиеся стол и шкафы писмоводителя. Этим я успокоился за целостность библиотеки. Н.Н. Иорданский заранее нанял какого-то студента, который проверял книги и нашел много пропавших, пропали эти книги, безусловно, в правительстве Снежневского, который, как можно судить по конкретным записям, знал о пропаже, но молчал, между прочим, как раз одно дело «Дело об игумене Митрофане» нашлось на банчуке, его купил какой-то член, кажется Н.И. Драницын¹⁴, и принес в комиссию. Чтобы упорядочить это дело, я нашел за нужное обо всем доложить Общему Собранию, которое по моему предложению избрало особый библиотечный комитет. К счастью, к этому времени, когда был избран комитет (через несколько месяцев), у нас были выбаллотированы в члены несколько новых деятельных членов. Комитет принялся за дела, выработал инструкцию, которая окончательно утверждена 20 января 1910 г., и занялся составлением нового каталога по карточной системе, составлением его мы занимаемся и теперь, около 8–10 членов довольно часто приходят, описывают книги и, по-видимому, дело налажилось. Только надобно заметить, что книг оказывается огромное количество, и когда мы опишем, Бог знает. Дела Архивной Комиссии, присланные ей из разных учреждений, хранятся преимущественно в кремлевских башнях. Очень давно город дал нам две башни: Тайницкую и Белую¹⁵, в них устроили полки, вроде открытых шкафов и разложили дела. Помещения в смысле безопасности и отчасти удобства и сохранности от влияния атмосферных, прекрасные, сухи, некоторые очень светлые, так что летом можно в них с удобством заниматься.

Конечно, я захотел посмотреть и дела в башнях. Пошел я в башню Тайницкую сперва с Летицким,

так как Н.Н. Иорданский бывал редко, он в это время был занят экзаменами в своих школах, да, кажется, он ни разу не бывал за свое годовое исправление должности правителя в башнях, насколько я убедился, он думал, что в них все в порядке и нечего за ними смотреть, вообще он человек доверчивый и часто поэтому обманывался в людях и им злоупотреблял, т. е. его доверием. Пришел я к Тайницкой башне, стали подбирать ключ, не нашли, ключ от верхнего этажа потеряли, оказалось его потеряли четыре года назад и все это время башня была заперта. Замки были обыкновенные, плохие, которые очень легко сломать. Несколько лет, не знаю, кажется года 3–4 назад, замки в башнях были поломаны, в башню забрались воры, сторожа каких-то смежных учреждений, и воровали систематически дела, украли множество дел, пропажа, как и всегда у нас, обнаружилась случайно, дела нашлись в какой-то лавке, в которой продавались с веса. Удалось найти несколько возов дел, разрозненных, разбитых, конечно, это только часть всех (потерям*) украденных. Как-то умненько, совершенно, об этом было доложено, доклад принят к сведению и только! Помня это, я, прежде всего, распорядился купить внутренние и наружные замки и нанял столяра приделать их к дверям, сломавши перед этим замок верхнего этажа Тайницкой башни. Нельзя представить того негодования, которое охватило меня при входе в это помещение. Все окна оказались с выбитыми стеклами, часть окон, которые пониже, чтобы не проникало много снега и дождя были заложены, но чем... (так в документе. — В.М.) делами и книгами, конечно, эти дела и книги за долгое время, не менее 4 лет, пришли в ветошь. В верхние же окна, которые нельзя было заложить делами, свободно летали голуби, которые выводились здесь, жили, конечно, годами. На всех делах и на полках лежал слой голубиного помета, примерно в вершок толщиной, валялись кое-где и мертвые голуби. Немедленно же взял я столяра, устроил новые рамы с проволочными сетками и нанял 3 сторожей вычистить эти Авгиевы конюшни, целый день работали сторожа, завязавши себе нос и рот платками, так как от едкой пыли нельзя было дышать. Стоила мне эта очистка что-то около 4 руб.; помета вывели куля 2. Вместе со мной был все это время член комиссии Н.И. Драницын, который рассказывал, что и раньше, несколько лет назад, было то же самое, что это повторение прежнего, только тогда помета было будто бы больше. В остальных двух этажах Тайницкой башни хотя тоже были выбиты стекла, но голубей было значительно меньше, и помет встречался только кое-где, кучками, на делах же. Может быть потому, что окна здесь не высоко и были заложены делами и книгами, тоже испортившимися. В третьем этаже от верха сложены кипы украденных и похоже найденных дел, тут голубей было еще меньше. Пробовал я было спуститься в четвертый этаж, но было страшно, лестница каменная осыпалась, к тому же у меня болели ноги, туда спускался Драницын и говорил, что весь этаж залит водою, это и не мудрено, так как некоторые окна от стороны кремля засыпаны землею снаружи и подпочвенная вода по этим окнам вливалась весной в помещение башни. Надо будет со временем, когда будет полегче и посвободнее, устроить что-нибудь, чтобы вода более не проникала. Тут еще интересный эпизод, характеризующий Ле-

летицкого, а отчасти и надзор за ними со стороны Иорданского. Я нанял столяра, чтобы он сделал новые рамы ко всем окнам во всех трех этажах и чтобы пригонка рам была в присутствии Летицкого, и, надеясь, что так и будет, сам не посмотрел. Оказалось, что столяр, со слов Летицкого, устроил только рамы в верхнем этаже и когда летом я пошел посмотреть устройство, то два этажа были по-прежнему предоставлены дождям и голубям, а в верхнем не убраны ни стружки, ни старые рамы. Тут я заставил своего человека Ивана, понимающего плотничное и столярные дела, пристроить сетки и исправить рамы, что он и сделал. Опять было велено Летицкому смотреть за Иваном, но Летицкий и тут ушел, (и вновь*) доверившись во всем Ивану, а чтобы я думал, что он был все время, он велел Ивану ключ передать не мне, а швейцару Городской Думы от имени его, Летицкого. Но я проверил все и обнаружил обман.

Затем осмотрел Белую башню. В ней было лучше, да и то, вероятно, потому, что в ней хранятся дела Ярмарочной конторы¹⁶ за особую плату и потому в нее ходят чиновники конторы в присутствии Летицкого. Иорданский и Летицкий во времена междоусобия устраивали рамы и решетки, но не столько решетки, сколько деревянные щиты к окнам, а стекла тоже во многих местах были разбиты. Щиты не плотно прижаты были к рамам, и в Башню проникали снег и дождь, а отчасти, но немного и голуби. Некоторые окна тоже были заложены от снега и дождя старыми делами и книгами, которые тоже истлели, но меньше, а между тем эти книги были в большинстве указы Анны Иоанновны и Екатерины Наместническому правлению¹⁷. Здесь я нанял столяра, который сделал проволочные сетки, которые мы вставили в гнезда летних рам, и зимние все исправили, я купил $\frac{1}{4}$ ящика стекла и мой Иван вставил в них стекла. Так что теперь и Белая башня в хорошем виде.

Докладывать обо всем этом публично в заседании я не решился, так как это был бы не только всероссийский, но, пожалуй, европейский скандал, хотя кое-кому об этом рассказал. А потом на одном из заседаний доложил, что дела в башнях не в порядке, нет ярлыков и т. п. и просил избрать для осмотра башен и приведения дел в порядок особую комиссию, которая и была избрана, а затем просил эту комиссию слить с библиотечным комитетом, и это предложение было принято, и, следовательно, библиотечному комитету придется летом поработать в башнях. Я этому очень рад, так как библиотечный Комитет проявляет энергию и вероятно сделает что-нибудь хорошее. Чем дальше шло дело, тем больше запускал его Летицкий, да так и должно было быть, так как я, во-первых, стал назначать заседания чаще, например, на 1910 г. назначено 14 заседаний, стали больше работать комиссии и стала необыкновенно увеличиваться библиотека, частью пожертвованиями членов, а частью высылкою изданий разных учреждений, в которые я стал посылать просьбы о высылке. Н.Н. Иорданский, сперва было защищавший Летицкого, сам увидал, что с ним нам не справиться и добровольно согласился на его увольнение. Когда мы его уволили, то в его квартире оказалось множество запакowanych и неотправленных книг, и при том без адресов, так что мы не знаем даже, кому они посланы, да, кажется, в этом и не разберешься, неотправленными оказалось и много брошюр. Взяли, по

рекомендации Н[иколая] Н[иколаевича], некоего Ноговицына¹⁸, писца Городской Управы, пока очень старательного, хотя совершенно необразованного, т. е. неначитанного, вероятно, весь его умственный багаж – грошовые красенькие книжонки, впрочем, Бог его знает, может быть я ошибаюсь, думаю, что кадет Иорданский не возьмет правого или безразличного, а непременно «сознательного», кстати и Летицкий был «сознательный». Расстались мы с Летицким в конце ноября или начале декабря 1909 года.

Странный человек Ник[олай] Ник[олай] Иорданский. Безусловно, он человек порядочный, дельный, но только столько везде нахватал дел, что хорошенько нигде не успевает, и дело страдает. Знаю я, что свою главную должность инспектора народных училищ Нижегородского уезда он исправляет плохо, ездит мало, наблюдает спустя рукава, по своей доброте, должно быть врожденной и, может быть, бесхарактерности спускает подчиненным то, что никоим образом нельзя спустить. Большая должна быть у него семья, и заставляет она его брать разные платы побочной должности, которые подобно нашей исправляются тоже плохо, при этом он забывчив, и у меня с ним было много неприятностей. Так напр[имер], я получил от Витебской комиссии¹⁹ уведомление об избрании меня членом и о высылке им наших трудов, я передал бумагу ему, просил написать. Проходит месяц, другой, бумаги к подписи нет. Спрашиваю, где. Оказывается, забыл, уверяет, что ничего от меня не получал, потом месяца через три, если не более, настал другой случай. (Некоторая*) Некая Хвощинская передала мне для архивной комиссии толстую рукопись Ипол. Завалишина²⁰, будто бы декабриста, я ее переслал ему. Рукопись пропала, опять уверяет, что не получал, хорошо еще, что у меня сохранилась расписка в получении, это заставило его приняться за розыски и опять, но месяца через три, рукопись нашлась, были и другие подобные случаи. Так что в конце концов я завел особую книжку, в которую записываю все те бумаги и книги, которые передаю ему, и он в ней расписывается. Забывает он исполнять и постановления комиссии. Когда я вступил в председательство, я стал просматривать прежние журналы и нашел множество, нередко пустяшных постановлений не исполненных даже по два года, выписал я их все в особую книжку и стал постоянно об них напоминать. Славу Богу, понемногу все привел в порядок и недоимок за нами нет. Еще что мне в нем не нравится. Н[иколай] Н[иколаевич] пострадавший кадет, передовой и прогрессивный деятель, каким и сам он себя считает и другие «передовые» деятели, поэтому он никак не может отрешиться от партийности и вносит эту проклятую дурацкую партийность и в наше дело. Необыкновенное стремление поместить в «Сборнике» или «Действиях» какую-нибудь фразу, какой-нибудь укол правительству или правым, а особенно попам, кажется, что это он считает за дело, за главное дело, все это его тешит, он, вероятно, думает, что делает государственное дело. Есть еще его сочувственники, и тоже пострадавший кадет В.Е. Чехихин²¹, наш сочлен, занимающийся литературой. Этот в этом отношении еще чище, человек он много пишущий в разных кадетских журнальчиках и газетках, напр[имер], и в Нижегородском Листке²², что называется, человек насвистанный, но тоже мелочной,

хватаящий верхушки, для которого красное словцо чуть ли не все. Конечно, оба сошлись и в редакционной комиссии делили все дела при равнодушии других, бросивших ходить в эту комиссию, может быть даже из-за них, так как они старались делать по-своему. В.Е. Чешихин в архивной комиссии преследует личные цели: он выискивает материалы для своих литературных трудов, которыми живет, пользуется нашею библиотекою, рукописями с благосклонного содействия Иорданского, я даже побаиваюсь, как бы он им не злоупотребил; вообще, ожидаю от него всяких сюрпризов. Первое мое столкновение было таково. В «Сборник» они хотели поместить дневник одного попа 60-х годов. Поп был запойный пьяница, описывал свои запои, обращение к Богу о прекращении запоев и свои сомнения в бытии и всемогуществе Бога по поводу непрекращающихся запоев. Вот и все. Ни старины, ни описания людей, даже местности, нет, только описание своих чувств после запоя. Поместить дневник в «Сборник» хотелось, очевидно, только для того, чтобы раздражить духовенство, чтобы сделать извлечения из него в повременной передовой печати. Я воспротивился и, основываясь на том, что я редактор и ответствен за статью, заявил, что я ни за что не помещу статью в «Сборнике». Второе – решили печатать некоторые автобиографии вместо старых деяний, автобиографии, которых много, пристегнули и новые. Получили автобиографию Вахтерова²³, в этой автобиографии отведено много места ректору семинарии Годневу²⁴, нашему члену, еще живому, тогда учителю семинарии, которого Вахтеров втаптывал положительно в грязь. Конечно, я соглашаюсь поместить автобиографию Вахтерова только в том случае, если место о Годневе будет исключено. Мне заявляют, что это нельзя, что Вахтеров ставит условие, чтобы все было напечатано без исключений или же ничего. Говорю, тогда лучше не печатать. После этого Н[иколай] Н[иколаевич] послал Вахтерову письмо обо всем и Вахтеров любезно согласился на исключение, да по видимому он и не ставил никаких условий и выдумали их Н[иколай] Н[иколаевич] и Чешихин. Третий случай – печатание писем²⁵ Чаадаева²⁶, среди писем отыскался листок, вероятность дневника, в котором Чаадаев глумится над мощами, чудотворцами и канонами и т.п. Самое обыкновенное глумление, для меня весьма противное. И вот эти мои сочлены настаивают на помещении в «Сборнике» и этой глупости. Доказываю им, что это не существенно, что это один пшик, что этим мы раздразим духовенство, из которого у нас много членов, что из-за этого на нас будут вешать собак и т.д. Будто бы соглашаются, а потом в мое отсутствие собирают комиссию (редакционную) и постановляют напечатать. Я протестую, решаюсь вынести этот вопрос на решение общего собрания, хорошо понимаю, что тут они прогадают, и листок не печатается. Очень все это неприятно, боюсь, не подвели бы опять чего в этом направлении, и потому на последнем заседании предлагаю увеличить состав редакц[ионной] комиссии, что и проходит, и попадают несколько новых членов, хотя прогрессивных, но не фокусников, чему я очень рад. Но в этой области, думаю, будет еще немало попыток потешить себя помещением в трудах комиссии разных сенсационных штучек. Как это все нарушает гармонию, как хорошо, если б этого не было, если бы

все работающие были одушевлены одним духом, имели бы одно деловое и только деловое направление! Вот этого я не могу простить Н[иколаю] Н[иколаевичу], хотя уверен, что если бы он не был под влиянием партии, он был бы прекрасным прав[итель] делами, несмотря на никакие недостатки. А как все-таки эти кадеты ведут свою линию вытравить из народа патриотизм. Тот же Н[иколай] Н[иколаевич], возвратившись из поездки по уезду со смотря училищ, привез в комиссию в библиотеку в отдел Смутного времени несколько книжек, отобранных им из ученических библиотек народных училищ, будто бы за ветхостью. И какие же это книжки: повести исторические о Кузьме Минине и князе Пожарском, об Иване Сусанине и т.п., при том все книжки неиспорченные, в хороших переплетах, книжки в нескольких экземплярах. Что это, как не подлая кадетская политика! Боже, как противно, как гадко и низко!

Нельзя обойти молчанием и еще один, довольно смешной случай. Как-то зимою, на институтском вечере, подходят ко мне инспектор гимназии С.В. Пусков²⁷ и передает, что в 1905 году был выбаллотирован в члены комиссии его дядя П.Д. Вознесенский, отставной генерал, но что этот Вознесенский никогда не получал повесток на заседания и не мог на них поэтому бывать, что сам С.В. видел повестки, посылаемые Вознесенскому, но в них его называли не Петром Дмитриевичем, а Павлом Дмитриевичем, и адрес его показывали неверно. Конечно, я обещал Пускову разобрать дело, и если окажется, что Вознесенский выбран, то восстановить в его правах. Прихожу домой, смотрю в наши журналы и вижу, что действительно, 22 октября 1905 года, т.е. в самые дни свободы избран в члены по предложению А.А. Савельева, тогда председателя комиссии, и С.В. Пускова П.Д. Вознесенский, который и фигурировал в списках членов, но с нарочно измененным адресом и именем. Через год при печатании нового списка членов Вознесенский был почему-то исключен. Так как у нас такие же шутки бывали, но, конечно, по ошибке, напр[имер], князя Звенигородского²⁸ избрали тоже в 1900-х годах, не включали несколько лет и т.п., то я, перетолковавши с Иорданским и предположившими вместе с ним, чтобы эта ошибка, подобная ошибке с князем Звенигородским, предложил Вознесенскому прийти на следующее собрание. Вознесенский пришел в обыкновенном генеральском мундире, сидел, его даже выбрали в члены Библиотечного Комитета. Но каково же было наше удивление, когда на заседание Библиотечного Комитета Вознесенский явился в синем жандармском мундире. Тогда все стало ясно. Очевидно, не справившись хорошенько, Савельев, по просьбе Пускова, предложил в члены Вознесенского и, как нарочно, в дни свободы, когда Савельев играл выдающуюся роль в либеральном лагере, Вознесенского выбрали, когда узнали, что он жандарм, то и устроили описанный выше фортель. Если бы они предупредили меня или Иорданского, то мы, конечно, постарались бы как-нибудь не восстанавливать Вознесенского, так как действительно нехорошо, когда в члены попадает жандарм.

Я хотя и считаю себя по политическим убеждениям правым, но жандарма сотоварищем иметь нигде не желаю. Бог с ними, лучше от них подальше! Впрочем, наш Вознесенский как будто бы ничего. Оказывается, он нижегородец, сын семеновского

исправника, окончил гимназию в 1858 году, значит ему за 70 лет, уже 7 лет в отставке, служил в Киеве и Сибири, говорит вообще мало, лицо у него не противное, напротив, простое и довольно симпатичное. Сразу он стал заниматься, составлять каталог, т.е. выносить книги на карточки, ходит каждый день и делает дело. Но все-таки лучше, чтоб если бы его не было! Все-таки как-то неприятно. Кстати, об этой работе. Начали мы ее недели две, ежедневно по утрам во все дни хожу я, Драницын, Вознесенский и описываем, изредка появляется Иорданский или еще кто-нибудь. По воскресеньям же приходит довольно много народа, не ходит только Вознесенский. Очень усиленно занимается Драницын и описал много книг, я много меньше его, а Вознесенский меньше моего, остальные 5–6 человек, конечно, еще меньше, но дело подвигается и есть все-таки надежда, что мы его доделаем, а доделавши, примемся за дела в башнях. А нужно скорее все сделать. В будущем году будет юбилейный съезд, съедутся ученые, захотят посмотреть, и если будет плохо, то будет срам! А срама надо избежать!

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 464. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 44–52 об.

27 января 1910 г.

Пожертвования в архивную комиссию льются рекою. Я давно говорил в комиссии, много лет назад, об обращении к земствам, городам, дворянству, а осуществить пришлось только тогда, когда сделался председателем. Хотя дали не все земства и города, но все-таки наш обычный бюджет – 800 рублей на комиссию и 500 руб. на юбилейный сборник – значительно увеличился. Мы получили одновременно от Ардатовского, Семеновского, Макарьевского, Нижегородского земства 675 р. И ежегодно от Нижегородского, Макарьевского и Балахнинского 100 р. от 3-х уездных городов получили 30 р., от мещанского общества 76 р. И от дворянства 500 р., всего 1381 руб., т.е. вдвое. Есть надежда, что и в будущем году тоже получим что-нибудь вроде этого. Пожертвования книгами тоже стали много больше прежнего и притом хорошими, целыми книгами. Дай Бог, чтобы это продолжалось, боюсь, однако, только, как бы бестактность наших сочленов левого направления не выкинула какую-нибудь штучку во вред нашему обществу. А это очень и очень возможно.

Другая сторона моей деятельности – это то, что в декабре 1909 г. на дворянском собрании меня выбрали членом по хозяйственной части в Александровский институт²⁹. Тоже отказывался, тоже не хотел идти, но, с одной стороны, упрашивания, а с другой стороны, уверения Д.П. Шепелева³⁰, что эта должность дает возможность получения стипендии детям, заставляет согласиться на баллотировку. Выбран хорошо, черных шаров только два. Пока идет утверждение, исполняю должность. Как будто бы ничего. Особенно дурного нет, хотя некоторые закупки эконома подозрительны, вероятно, есть мелкое мошенничество, в таком большом и сложном деле трудно избежать мелкого мошенничества. Кое-что наметим к уничтожению и к перемене. Посмотрим, что выйдет.

28 января 1910 г.

Вчера вечером был в комиссии под председательством архиерея викария Геннадия³¹ по поводу ре-

монта древнего собора в Макарьевском женском монастыре³². Интересны там старушка игуменья, собирательница средств для монастыря, интересен и викарий, совершенно молодой, говорят ему около 35 лет, очень простой, симпатичный. Народа собралось мало, комиссия эта собирается впервые, и дело ограничилось пока избранием новых местных членов. Предложил викарию быть членом нашей архивной комиссии и получил его согласие. В феврале надо его выбаллотировать. Вечером после комиссии, так как это была среда, надо бы было пойти в архивную, где должны бы были собраться члены для разбора библиотеки, но забыл, не пошел и очень этим потом беспокоился; когда же сегодня утром пришел туда, то оказалось, что никто не приходил, а также не было Иорданского и Ноговицина. Что это, уж не охладели ли к нашему общему делу?

Был в комиссии некто Бреев³³ – торговец картинами и книжками на Нижнем Базаре. К предстоящему в 1911 г. юбилею 300-летию Минина и Пожарского он задумал издать разовые книги, картины, открытые письма с видами старого Нижнего и его деятелей и даже устроить панораму. По его словам, он приобрел очень много старых рисунков и просит в воскресенье 31 числа прийти к нему посмотреть³⁴. Обещал, хотя едва ли попаду, так как в воскресенье назначен в институте бал и в качестве члена комитета по хозяйству я должен на нем присутствовать.

Я забыл еще упомянуть о своих отношениях к непремному попечителю комиссии губернатору Шрамченко. Вскоре моего выбора я назначил второе или третье заседание. Ни Меморский, ни Иорданский не предупредили меня, что заседания назначаются с согласия попечителя, я в день заседания послал ему извещение о собрании и повестку. В ответ получаю предложение на будущее время назначать дни заседаний с его согласия. Было очень неприятно, объяснился с ним, сказал, что сделал по недоразумению и тем дело окончилось. Пообдумал и нашел, что я действительно поступил неправильно. Второй случай. Предполагаемый доклад Савина³⁵ о статье профессора Киевской духовной академии Завитневича³⁶ «Смутное время», помещенный в Трудах Киевской духовной академии³⁷, Иорданский по ошибке в сообщении к губернатору написал вместо статьи – брошюра. Статья была самая обыкновенная, но губ[ернатор] начинает спрашивать и требовать о присылке ему для ознакомления «брошюры» Завитневича. Иду, объясняюсь, передаю ему две книжки трудов. Просит оставить для ознакомления недели на две, прихожу через месяц, напоминаю, говорит «не прочел». Опять жду. Вдруг бумага: «не получил до сих пор затребованной брошюры, прошу ее представить». Пишу уже на бумаге. И до сих пор с 1 ноября статья гостит у него. Третий случай уже перед Рождеством – требует представить список лиц, служащих в комиссии. Представил, но для чего, вопрос, ведь он и так нас всех знает. Вообще я не понимаю этих, так сказать, придинок. Должен же он знать и, вероятно, знает, что я по политическим убеждениям правый, умеренно правый, хотя ни в какой партии не состою и что у меня ничего против государства быть не может.

Сегодня в газетах прочел, что Сенат уважил мою жалобу на обложение моего дома и других 52 помещиков земским сбором и отменил эти сборы. Дело это – отзыв нашего освободительного подлого дви-

жения. Земское собрание, под влиянием освободителей, обложило сборами, не приносящими дохода, помещичьи дома, служащие исключительно для собственного проживания, а не для извлечения выгоды. Случилось это в пресловутом 1906 году. Я обжаловал в губернском присутствии, в котором мою просьбу не уважили, обжаловал в Сенат, и только сегодня получил удовлетворение, причем Сенат отменил не только обложение моего дома, но и всех 52 помещиков, следовало бы им поблагодарить меня!

Сегодня долго искал везде начатые мною некогда воспоминания, но нигде не смог найти, куда-то заделались. Надо будет поискать еще.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 464. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 54–54 об.

Примечания

1. Довольно большая часть этих записей предшествует публикуемому материалу, они содержат сведения библиографического и семейного характера.

2. Садовский Александр Яковлевич (1850–1926), с 1891 член НГУАК. В 1909–1918 гг. ее председатель, с 1911 – зав. Нижегородским отделением Московского археологического института, в 1919–1921 гг. – уполномоченный ГУАД по охране архивов в Нижегородской губернии. В 1921–1926 гг. – председатель Нижегородской археолого-этнологической комиссии.

3. Нижегородская губернская ученая архивная комиссия (НГУАК) – научно-историческое общество, существовала в 1887–1919/1921 гг.

4. Савельев Александр Александрович (1848–1916) – в 1892–1893 гг. – товарищ председателя, в 1893–1909 – председатель НГУАК. С 1887 г. – член губернской земской управы, в 1890–1900 гг. – председатель Нижегородской уездной земской управы. В 1900–1908 гг. – председатель Нижегородской губернской земской управы. Депутат I, II, и III Государственной Думы (от кадетов).

5. Речь идет о 300-летию Нижегородского ополчения.

6. Меморский Александр Михайлович (1855–1913) – юрист, городской голова Нижнего Новгорода (1897–1909), член НГУАК.

7. Михаил Николаевич Шрамченко (1857–1918) – российский государственный деятель, действительный статский советник, губернатор Нижегородской губернии (1907–1910), непререкаемый попечитель комиссии.

8. Звездин Андрей Иванович (1863–1927), с 1889 г. член НГУАК, в 1895–1903 гг. – правитель дел. В 1921 г. он становится членом Археолого-этнологической комиссии.

9. Иорданский Николай Николаевич (1863–1941), с 1887 г. до 1897 г. работал в просветительском обществе распространения начального народного образования, был одним из организаторов и преподавателей первой женской воскресной школы для взрослых в Н. Новгороде. С 1898 г. – инспектор народных училищ в Нижегородской губернии, затем инспектор городских начальных училищ в Н. Новгороде. Член НГУАК, в 1908–1910 гг. правитель дел, с 1938 г. – доктор педагогических наук.

10. Снежневский Виктор Иванович (1861–1907) с 1888 г. по 1895 г. и с 1903 по 1907 г. правитель дел комиссии, член редколлегии её сборников. С 1895 г. – преподаватель в речном училище, секретарь в земских собраниях.

11. Библиография работ В.И. Снежневского // Действия НГУАК. Т. VII. Н. Новгород – Канавино, 1908. С. 13–16; Короленко В.Г. Памяти В.И. Снежневского // Там же. С. 17–20; Звездин А.И. Памяти В.И. Снежневского // Там же. С. 21–26.

12. В 1911 г. он был выслан из Н. Новгорода как «опасный общественный деятель». 1911–1914 гг. – инспектор народных училищ Рижского учебного округа.

13. Летицкий П.Ф. – член НГУАК при руководстве А.А. Савельева и А.Я. Садовского, занимался чисто организационной работой.

14. Драницын Николай Иванович (1870–1927), с 1899 г. – член НГУАК, с 1906 г. – редактор «Вечерней газеты» (Н. Новгород), с 1910 г. – заведующий библиотекой и историческим архивом комиссии. В 1911 г. избирается членом Отдела Архивной комиссии НГУАК по изучению и охране памятников Нижегородской старины. В 1917 г. – директор Научной библиотеки (книгохранилища) им. Герцена. В 1924–1927 гг. – заведующий Научным отделением губернской Центральной научно-общественной библиотеки – книгохранилища им. В.И. Ленина. Член Археолого-этнологической комиссии, автор более 150 работ.

15. В 1889 г. НГУАК получила под архивные дела Белую башню Нижегородского кремля, позднее – Тайницкую и Дмитриевскую.

16. Нижегородская ярмарочная контора существовала в 1804–1918 гг., до 1864 г. Нижегородская ярмарка находилась в государственном управлении. Ее делами заведовала ярмарочная контора, в состав которой входили директор с помощником, архитектор, секретарь, казначей. Главным начальником ярмарки был нижегородский губернатор. В обязанности ярмарочной конторы входило: раздача казенных лавок в аренду торгующим, взимание платы за них и ремонт казенных построек, составление отчета о ходе торговли и торговых оборотах.

18. Нижегородское наместническое правление учреждено 22 декабря 1779 г. по указу от 5 сентября 1779 г. Ликвидировано согласно указу Сената от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении Государства на Губернии» – в связи с проведением новой губернской реформы и восстановлением Нижегородской губернии.

19. Сведений обнаружить не удалось.

20. Витебская губернская учёная архивная комиссия действовала в 1909–1918 гг. Инициаторами создания комиссии являлись Е.Р. Романов, А.П. Сапунов и В.С. Арсеньев.

21. Завалишин Ипполит Ириархович (1808 – позднее 1883) – литератор и этнограф, брат известного декабриста Завалишина Дмитрия Ириарховича (1804–1892), автор «Описания Западной Сибири» (М., 1862).

22. Чешихин (Ветринский) Василий Евграфович (1866–1923), с 1899 г. в Н. Новгороде состоял на службе в земстве, редактор «Земской газеты» и «Нижегородского ежегодника», сотрудник «Нижегородского листка», член НГУАК. В 1901–1903 гг. –

редактор «Самарской газеты» и других периодических изданий. В 1918 г. – зав. культурно-просветительным отделом Нижегородского союза потребительских обществ и Рязанского губернского кредитного кооперативного союза. С 1920 г. – на работе в Главкустпроме (Москва).

23. Нижегородский листок – ежедневная общественно-литературная, политическая и биржевая газета, издавалась в Нижнем Новгороде с 1893 г. и посвящена преимущественно вопросам нижегородской и поволжской жизни. В ней принимают участие, между прочим, В.А. Гольцев, Вл.Г. Короленко, К.М. Станюкович. Редактор Г.Н. Казачков, издатель С.Н. Казачков.

24. Вахтеров Василий Порфирьевич (1853–1924) – известный российский педагог, ученый, методист начальной школы, деятель народного образования. Внес значительный вклад в педагогическую теорию и практику. Опираясь на эволюционную теорию Ч. Дарвина, стал основоположником известной педагогической концепции, которая получила название «Эволюционная педагогика».

25. Годнев Геннадий Васильевич (1839–1917), по окончании Московской духовной академии, 11 декабря 1864 г. определяется Синодом в Нижегородскую духовную семинарию преподавателем Священного Писания, с 1886 г. – протоиерей. В 1882 г. назначается ректором гимназии и исполняет эту должность до своей кончины 10 ноября 1917 г. С 1886-го по 1905 год он был редактором «Епархиальных ведомостей», приложив немало сил для ознакомления священнослужителей с памятниками родной старины.

26. Философические письма – философское произведение П. Чаадаева, опубликованное в журнале «Телескоп» в 1836 г. Всего было восемь философических писем.

27. Чаадаев Пётр Яковлевич (1794–1856) – русский философ и публицист, объявленный правительством сумасшедшим за свои сочинения, в которых резко критиковал действительность русской жизни. Его труды были запрещены к публикации в императорской России.

28. Пусков С.В. – инспектор нижегородской мужской гимназии, окончил Казанский университет, в 1910 г. сдал испытание на звание учителя гимназии. До этого 25 лет был ее инспектором.

29. Звенигородский Андрей Владимирович (1878–1961) – из древнего княжеского рода, поэт серебряного века, с 1944 г. – член Союза писателей СССР. Поэзию Звенигородского отличала ориентация на раннее русское декадентство. Как поэт, большой известностью и популярностью не пользовался. Был известен в основном в нижегородском и московском литературном кругах. Осуществил также ряд публикаций, связанных с изучением биографии П. Чаадаева. После 1917 г. печатался редко. Участвовал в подготовке издания полного собрания сочинений Л. Толстого, публиковал небольшие литературоведческие статьи в периодике.

30. Александровский дворянский институт был закрытым средним общеобразовательным мужским заведением для подготовки дворянских детей к поступлению в российские университеты. Он возник из дворянского пансиона при всесословной губернской гимназии. Торжественное открытие его состоялось 30 августа 1844 г. Институт был назван Александровским в честь цесаревича Александра Николаевича, утвердившего проект архитектора А.А. Пахомова.

31. Сведений обнаружить не удалось.

32. Геннадий (Туберозов) (1875–1923) – епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии (1909–1914).

33. Макарьевский Желтоводский женский монастырь основан в первой половине XV в. преподобным Макарием Желтоводским и Унженским. Желтоводским назван по Жёлтому озеру, на берегу которого святой Макарий основал обитель. С 1991 г. здания монастыря переданы Нижегородской епархии. В этом же году по решению Священного Синода был снова открыт Макарьевский Желтоводский женский монастырь

34. Бреев Василий Иванович (1863 – не ранее 1928) – фотограф, издатель, книготорговец, предприниматель, редактор, коллекционер, меценат и общественный деятель. В 1881 г. переезжает в Нижний Новгород, занимается мелкой торговлей. Разбогатев, в 1894 г. образует небольшую фирму по торговле книжной и писчебумажной продукцией. В честь 300-летнего юбилея Нижегородского ополчения в военном манеже Нижегородского кремля с 6 августа по 6 сентября 1911 г. организует Мининскую историческую выставку, на которой представил из своей коллекции 1770 редчайших экспонатов, за что был удостоен высочайшей благодарности императора (с вручением рубинового перстня). Издал тематические серии открыток «Нижний Новгород и окрестности», «Волга и Поволжье», в 1911 г. – «В память 300-летия подвига Нижегородского ополчения 1611–1612 гг.».

35. В 1910 г. В.И. Бреев обращается с письмом в НГУАК, в котором просит разрешения на копирование исторического материала: планов, карт, рисунков, гравюр с видами Нижнего Новгорода – для использования в показах «волшебного фонаря» на народной панораме (выставке) и на открытых письмах. Резолюция НГУАК: «Разрешить с последующим предоставлением экземпляров...».

36. Савин Николай Александрович – член Нижегородской археолого-этнологической комиссии, автор монографии «Из истории Болдина», участник 1-й Краевой конференции музейных работников и краеведов, состоявшейся в Нижнем Новгороде в 1925 г.

37. Завитневич Владимир Зенонович (1853–1927), русский гражданский и церковный историк, преподаватель, богослов, философ, археолог, литератор, публицист, профессор Киевской духовной академии по кафедре русской гражданской истории.

38. Труды Киевской духовной академии, российский научный журнал, ежемесячник Киевской духовной академии, выходивший в 1860–1917 гг.

"... WHILE I STILL HAVE MY MEMORY, I'LL START WITH THE MOST RECENT TIMES - SINCE MY ELECTION AS THE CHAIRMAN OF OUR NIZHNI NOVGOROD SCIENTIFIC ARCHIVAL COMMISSION": FROM A.Ya. SADOVSKY'S DIARY

V.V. Mitrofanov

Based on the analysis of the research done by some Nizhni Novgorod authors, it is concluded that they have made an important contribution to the historiography of the Nizhni Novgorod Scientific Archival Commission and to the creation of historical portraits of major local historians of the late 19th century – the first third of the twentieth century. A.Ya.Sadovsky's diary is introduced into scientific circulation, some excerpts from it are published that throw light on the first months of his presidency of the Commission.

Keywords: historiography, A.Ya.Sadovsky, diary, memories, Nizhni Novgorod Scientific Archival Commission, ethnographers, historians.

References

1. Berel'kovskij I.V. S.M. Parijskij i sovetское kraevedenie // Zapiski kraevedov / sost. L.I. Shiyani, O.A. Ryabov. N. Novgorod, 2004. S. 194–202.
2. Illarionov V. Pamyati A.Ya. Sadovskogo // Nizhegorodskaya Kommuna. 1926. № 282.
3. Arhangel'skij S.I. A.S. Gaciskij // Shkola i zhizn'. 1928. № 10. S. 40–42.
4. Arhangel'skij S.I. A.Ya. Sadovskij kak istorik Nizhegorodskogo kraja 1850–1926 // Pamyati A.Ya. Sadovskogo. Nizhnij Novgorod. 1928. S. 20–30.
5. Makarihin V.P. Gubernskie uchenye arhivnye komissii i razvitie istoricheskoy mysli Rossijskoj provincii na rubezhe XIX–XX vekov//Istoriya i kul'tura Volgo-Vyatskogo kraja (k 90-letiyu Vyatskoj uchenoj arhivnoj komissii). Kirov, 1991. S. 3–7.
6. Makarihin V.P. Nizhegorodskaya gubernskaya uchenaya arhivnaya komissiya (k 100-letiyu sozdaniya) // Zapiski kraevedov. Gor'kij, 1988. S. 161–170.
7. Pudalov B.M. K 120-letiyu gubernskih uchenyh arhivnyh komissij/Mininskie chteniya: Mat-ly nauch. konf. Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo (29–30 oktyabrya 2004 g.). Nizhnij Novgorod, 2005. S. 331–340.
8. «Letopisec Nizhegorodskogo Povolzh'ya»: K 165-letiyu A.S. Gaciskogo: Kraevedcheskoe bibliograficheskoe posobie / sost. T.V. Kucherova, O.V. Grigor'eva. N. Novgorod: CGB, 2003. 16 s.
9. Seleznev F.A. Predsedatel' NGUAK A.A. Savel'ev // Zapiski kraevedov /sost. L.I. SHiyani, O.A. Ryabov. N. Novgorod, 2004. S. 173–184.
10. Galaj Yu.G. Kraevedcheskaya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' A.I. Zvezdina // Zapiski kraevedov / sost. L.I. SHiyani, O.A. Ryabov. N. Novgorod, 2004. S. 185–194.
11. Galaj Yu.G. Arhivist po prizvaniyu. V.I. Snezhnevskij // Zapiski kraevedov / sost. L.I. Shiyani, O.A. Ryabov. N. Novgorod, 2008. S. 229–238.
12. Berel'kovskij I.V. Issledovatel' pamyatnikov nizhegorodskih drevnostej S.M. Parijskij // Obshchee i osobnoe v regional'noj kul'ture Nizhegorodskogo kraja. Nizhnij Novgorod, 1997. S. 133–135.
13. Illarionov V.T. S.M. Parijskij // Nizhegorodskoe kraevedenie. N. Novgorod, 1931. № 1–2. S. 45–46.
14. Gosteva T.N. Prisyazhnyj poverennyj Aleksandr Mihajlovich Memorskij // Zapiski kraevedov / sost. L.I. Shiyani, O.A. Ryabov. N. Novgorod, 2010. S. 256–266.
15. Zhurnal LXXXV zasedaniya NGUAK 22 oktyabrya 1908 goda// Zhurnaly i doklady zasedanij LXXX–LCIII s 1 oktyabrya 1906 po 22 oktyabrya 1908 g. Otechety za 1905–1908 gg. N. Novgorod, 1909 g. S. 29.
16. Kuznecov A.A. Novye dannye o sud'be nizhegorodskogo istorika A.K. Kabanova / A.A. Kuznecov, A.V. Mel'nikov // Materialy II Nizhegorodskoj arhivovedcheskoj konferencii. Chteniya pamyati A.Ya. Sadovskogo. N. Novgorod, 2006. S. 160–164.
17. Mitrofanov V.V. Biblioteku, kotoruyu «i organizoval i sozdal»: delo vsej zhizni N.I. Dranicyna// Bibliotekovedenie. 2013. № 2. S. 71–78.
18. Mitrofanov V.V. «Glubokoe Vam spasibo...»: nekotorye fakty prosvetitel'skoj i organizatorskoj deyatel'nosti S.F. Platonova v Nizhnem Novgorode v nachale XX veka// Klio. 2012. № 6 (66). S. 21–25.
19. «O Nizhnem hranyu samye tepleye vospominaniya: Pis'ma akademika S.F. Platonova V.T. Illarionovu/Publ. podg. A.A. Kulakov/Istoricheskij arhiv. 1999. № 6. S. 138–144.
20. A.Ya. Sadovskij (Nekrolog) // Proizvoditel'nye sily Nizhegorodskoj gubernii. Vyp. 4. N. Novgorod, 1927. S. 7–8.
21. Pamyati A.Ya. Sadovskogo: Sbornik. N. Novgorod, 1928.
22. Illarionov V. «Starejshina nizhegorodskih kraevedov» // Gor'kovskaya pravda. 1971. 4 avg.
23. Zelencov V. Znatok rodnogo kraja // Gor'kovskaya pravda, 1975, 25 okt.
24. Babkina O.A. A.Ya. Sadovskij (K 140-letiyu so dnya rozhdeniya) // V pomoshch' rabote bibliotek s literaturoj o rodnom krae v 1990 g. Gor'kij. 1989. S. 49–51.
25. Kupriyanova N.I. A.Ya. Sadovskij // Nizhegorodskij kraj: fakty, sobytiya, lyudi. N. Novgorod, 1997. S. 313. 26. Gusev M.Yu. Nizhegorodskij kraeved i obshchestvennyj deyatel' A.Ya. Sadovskij // Informacionnyj byulleten' komiteta po delam arhivov Administracii Nizhegorodskoj oblasti. N. Novgorod, 2001. № 3. S. 28–29.
27. Makarihin V.P. Gubernskie uchenye arhivnye komissii Rossii. N. Novgorod, 1991. S. 87.
28. Mitrofanov V.V. Rol' S.F. Platonova v razvitanii rossijskoj istoriografii v konce XIX–pervoj treti XX v. Chelyabinsk, 2011. S. 281.
29. Filatova Yu.V. Nizhegorodskaya gubernskaya uchenaya arhivnaya komissiya i istoricheskaya nauka. N. Novgorod, 2000.
30. Materialy II Nizhegorodskoj arhivovedcheskoj konferencii. Chteniya pamyati A.Ya. Sadovskogo. Nizhnij Novgorod, 2006. 216 s.
31. Logacheva E.A. Publikacii A.Ya. Sadovskogo i podgotovitel'nye materialy k nim v Central'nom arhive Nizhegorodskoj oblasti: problemy poiska// Materialy II Nizhegorodskoj arhivovedcheskoj konferencii... S. 97–99.
32. Plotnikov V.N. Obzor dokumentov lichnogo fonda A.Ya. Sadovskogo// Materialy II Nizhegorodskoj arhivovedcheskoj konferencii... S. 99–100.
33. Kuznecov A.A. «Pamflet»: istoriya teksta iz fonda N.I. Privalovoj// Materialy II Nizhegorodskoj arhivovedcheskoj konferencii. S. 120–121.
34. Vystavka NGUAK «Iz rodnoj stariny» // Nizhegorodskaya starina. 2004. № 8. S. 30–34.
35. RGALI. F. 464. Op. 4. D. 31.